

Фань Лянь сделал паузу и произнёс:

— Не в этом дело. Те, кто был с тобой раньше, приходили за деньгами, и их можно было откупить, потратив пару серебряных монет. Но Шан Сижуй — другое дело. Если он взбесится, ты не сможешь его контролировать. Его имя известно повсюду, и любое его действие становится достоянием общественности. — Он кивнул в сторону двери. — Если что-то случится, как я объясню это своей сестре?

Эти слова задели Чэн Фэнтай за живое. Все знали, что Шан Сижуй — полубезумный человек, способный довести кого угодно до позора, и успокоить его было непросто. Поэтому люди восхищались им, обсуждали его, но держали на расстоянии, словно опасаясь, что он однажды спустится с небес и нарушит порядок в мире. У Шан Сижуйа были тысячи поклонников, но только Чэн Фэнтай осмеливался по-настоящему любить его.

Чэн Фэнтай медленно затянулся сигаретой, а затем так же медленно выпустил дым:

— Я об этом думал. Я знаю, что лезу в пасть к тигру. Стоять под шаткой стеной требует немало мужества.

Фань Лянь был тронут этими словами. Он, как и Чэн Фэнтай, был обычным мирским торговцем, но, получив западное образование, понимал чувства и обладал глубиной, недоступной большинству купцов. Если его романтическая сторона пробуждалась, он действовал всерьёз, не ограничиваясь пустыми играми. Он хорошо понимал, что сейчас чувствует Чэн Фэнтай, и вздохнул:

— Дело не в мужестве, а в том, есть ли искренние чувства.

Чэн Фэнтай кивнул:

— Ты прав. Ты всегда говоришь так глубоко, попадая в самую суть.

Фань Лянь фыркнул:

— Не льсти мне. Ты испортил мне свидание с красоткой, и это всё?

Чэн Фэнтай, усмехнувшись, стряхнул пепел с сигареты, думая, что компенсировать это будет несложно:

— Разве ты не любишь музыку Шанхая? Помнишь ту певицу по имени Роза, которую я продвигал в прошлом году? Она была довольно известна в «Парадизе». Теперь, когда у меня есть Шан Сижуй, мне до неё нет дела, так что можешь забрать её себе.

Фань Лянь усмехнулся:

— Разве такое можно передать?

Чэн Фэнтай ответил:

— Скажи, что я тебя послал. Уверен, всё получится.

Фань Лянь, с сомнением, отправился, но перед уходом сказал:

— Если меня вышвырнут, я расскажу всем о тебе и Шан Сижуюе.

Чэн Фэнтай подумал: [Это можно будет обсудить, если мы с Шан Сижуюем действительно сблизимся].

В тот вечер, в десять часов, Чэн Фэнтай вовремя пришёл за Шан Сижуюем после спектакля, чтобы рассказать ему свежую шутку. Он не осмеливался прийти раньше, так как раньше он мог болтать с актрисами за кулисами, но теперь, чтобы не вызвать ревности Шан Сижуюя, ему приходилось держаться подальше. Когда все актёры разошлись, Чэн Фэнтай прошёл через тёмный переулок и зашёл в гримёрку.

Шан Сижуй, чтобы уединиться с возлюбленным, заранее отправил Сяо Лай домой и теперь сидел перед зеркалом, запрокинув голову и закрыв глаза, смазывая лицо маслом, чтобы смыть грим. Услышав, как открылась задняя дверь, он понял, что это Чэн Фэнтай, и продолжил сидеть, не двигаясь, но уголки его губ изогнулись в улыбке. Чэн Фэнтай, улыбаясь, снял перчатки и тихо подошёл к нему сзади, осторожно массируя его плечи, чувствуя, как одежда под его руками стала влажной:

— Смотри, весь в поту.

Шан Сижуй, наслаждаясь массажем, засмеялся:

— Ничего не поделаешь! У меня здесь слишком много женщин, и мужчины не справляются с боевыми сценами. Девушки держатся хорошо, но их тела слишком слабы.

Чэн Фэнтай посоветовал ему:

— Попробуй найти парня, который может играть в боевых сценах, даже если придётся купить его. Не бойся тратить деньги, лучше, чем мучиться самому.

Шан Сижуй согласился, взял руку Чэн Фэнтая, лежащую на его плече, и спросил:

— Почему ты больше не приходишь на мои спектакли?

Шан Сижуй был полон энергии, мог гулять с Чэн Фэнтаем до полуночи и на следующий день выходить на сцену, но Чэн Фэнтай не мог встать с ним на работу, поэтому он засмеялся:

— Разве я не посылаю тебе корзины с цветами каждый день?

— Какая мне польза от этих корзин? Мне нужно, чтобы ты приходил.

— Хорошо. В будущем я буду приходить на все твои спектакли.

Когда они заговорили о корзинах с цветами, Чэн Фэнтай вспомнил забавный случай, который хотел рассказать. Он добавил красок в историю о неудачном свидании Фань Ляня, и Шан Сижуй смеялся так, что масло с его лица чуть не стекало на шею. Он быстро вытер лицо и смыл макияж, смеясь:

— У Фань Ляня не очень удачная любовная жизнь. В Пинъяне все знали, что любая девушка, которая ему нравилась, не могла быть с ним. Неудивительно, что теперь он ищет утешения в публичных домах. — Он наклонился, чтобы умыться, и с сожалением спросил:

— Значит, больше нельзя будет получать подарки от него?

Чэн Фэнтай равнодушно ответил:

— Почему нет? Мне всё равно.

Шан Сижуй, ещё не вытерший капли воды с лица, обернулся к Чэн Фэнтаю и радостно улынулся. Его лицо было влажным, что делало его брови ещё более выразительными, а черты лица — ещё более изящными и умными. Шан Сижуй говорил, что ему девятнадцать лет, но он был продан в театр торговцем детьми, и этот возраст, вероятно, был преувеличен, так как торговцы обычно добавляли пару лет, чтобы легче продать ребёнка. Чэн Фэнтай смотрел на его лицо, которое всё ещё было детски пухлым, с нежными губами, и думал, что ему не больше шестнадцати или семнадцати. Через пару лет, когда он станет настоящим мужчиной, он будет невероятно красив.

Шан Сижуй, увидев, как Чэн Фэнтай смотрит на него с нежностью, ласково прижался к его груди, вытирая лицо о его пальто. Чэн Фэнтай обнял его за талию и поцеловал в макушку. Шан Сижуй снова прижался к нему, как маленькое животное, ищущее тепла. Это был их самый близкий момент на тот момент. Эти двое, прошедшие через множество романов, настолько сблизились, что, по обычному ходу событий, они уже давно были бы вместе, но из-за их осторожности они стали неожиданно застенчивыми. Шан Сижуй ранее сказал, что ему нужно подумать, и теперь неизвестно, решил ли он что-то. Чэн Фэнтай не спрашивал, ему просто нравилось разговаривать с Шан Сижуюем, и он не торопился с остальным, оставаясь благородным.

Каждый вечер, после спектакля, они гуляли вокруг Хоухая, разговаривая. Чэн Фэнтай был любителем поболтать, а Шан Сижуй был настоящим болтуном, и, как только они начинали разговор, он мог длиться три-четыре часа. Старина Гэ ехал за ними на машине, освещая им дорогу. Они согревались теплом друг друга, и, несмотря на зимний холод, им было тепло. Старина Гэ смотрел на них и недоумевал: [Ну наконец-то! Вот это наш второй господин! Не может быть, чтобы столько времени прошло, а он всё ещё не смог затащить актёра в постель].

Шан Сижуй вдруг остановился и чихнул. Чэн Фэнтай поправил ему шарф и засмеялся:

— Надо будет достать мою соболью шубу и надеть на тебя. Ты будешь выглядеть как пушистый зайчик.

Шан Сижуй вытер нос и улыбнулся:

— Тогда я буду похож на выскочку.

Чэн Фэнтай сказал:

— Если я надену её, то буду выглядеть как выскочка, а ты — как зайчик.

Как только эти слова сорвались с его языка, Чэн Фэнтай пожалел о них. Шан Сижуй, актёр, исполняющий женские роли, был слишком чувствителен к таким сравнениям, хотя Чэн Фэнтай не имел в виду ничего плохого. Он внимательно посмотрел на Шан Сижую, но тот, похоже, не заметил скрытого смысла, только сморщил нос и засмеялся, так наивно, что Чэн Фэнтай почувствовал прилив нежности и обнял его.

Шан Сижуй похлопал Чэн Фэнтая по спине и засмеялся:

— Второй господин, нам пора домой, но я ещё так много хочу сказать.

Чэн Фэнтай посмотрел на часы. Уже было поздно, но ему тоже не хотелось расставаться с молодым актёром. Он наклонился к его уху и шепнул:

— Господин Шан, может, ты приютишь меня сегодня ночью?

Шан Сижуй загорелся:

— Второй господин, я так долго ждал этих слов.

Чэн Фэнтай тоже загорелся. Все считали его развратником, но он встретил кого-то ещё более скрытного:

— Ты давно ждал? Почему не сказал раньше?

— Потому что ты всегда кажешься таким весёлым и дружелюбным со всеми, но на самом деле ты не так уж легко сближаешься. Я боялся пригласить тебя к себе.

<http://bllate.org/book/15435/1368577>